

НАШИ

АЛЬМАНАХ

ВОСКРЕСНЫЕ СТРАНИЦЫ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Штрихи к творческому портрету

ГОДЫ,
РОЛИ,
ЖИЗНЬ

ЗА СТОЛОМ рядом со взрослыми примостился мальчишка. Темные вихры, пионерский галстук, независимая настороженность в больших глазах... Ирина Сергеевна Гулевич поясняет: на снимке — сцена из спектакля «Мать своих детей» А. Афиногенова. А мальчишку по имени Марат сыграла она. В пору ее театральной юности у нее было много работ такого плана:

Было это сразу после окончания курганского театрального училища. «Я вспоминаю об этих своих ролях с удовольствием, — говорит актриса. — Образы детей дарят ощущение чудесной раскованности, оптимизма».

Потом пришли роли молодых героинь. В газетных рецензиях, написанных то на русском, то на украинском, то на белорусском языке (ей довелось работать в Кургане, Целинограде, Кустанае, Усть-Каменогорске, Гомеле), можно прочесть много интересного о том, как она сыграла Машу в «Кремлевских курантах» Н. Погодина, Глафиру в «Егоре Булычеве» М. Горького, Лиду в «Крыльях» А. Корнейчука. И, наконец, — Нилу Снежко, барабанщицу из популярнейшей пьесы А. Салынского, роль, о которой мечтают актрисы.

Мне не довелось видеть игру Ирины Сергеевны, когда она была в амплуа молодых героинь. Я познакомилась с ней тогда, когда к ней пришли роли, которые в театре называют возрастными. Правда, она играла еще Елену в «Мещанах» М. Горького, Кисочку в «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского. Но больше запомнилась она не этими ролями молодых красавиц.

«Искать себя в новом качестве всегда трудно и интересно. Вы уже на подступах к этому», — написал ей на программке спектакля «Нашествие» главный режиссер нашего театра Г. В. Константинов.

Да, эта ее работа в трагедии Л. Леонова, где она сыграла Анну Николаевну, мать Федора Таланова, убедила, что Ирина Сергеевна успешно сумела справиться с переходом на новые роли. Уже два года отделяют от этого спектакля, а я хорошо помню образ, созданный Ириной Сергеевной Гулевич. «Железной старушкой» назвал ее героиню один из персонажей этой пьесы.

Но нестибаемость ее характера актриса обнаруживала не вдруг и не сразу. Поначалу больше чувствовались качества скорей противоположные: женственность, мягкая уступчивость, постоянное стремление примирить своих близких. Но зритель ощущал, что все это не отражает подлинной сути этой женщины. Был еще, другой, сложный, потаенный мир, в котором жила жена врача Анна Николаевна Таланова. В нем, этом мире, не заботы о своем гнезде, а страшная обеспокоенность всем, что совершается в их полоненном фашистами городе. И потом шла сцена допроса Федора Таланова в присутствии его матери. Ни единым словом не выдала она своих чувств. Лишь застывшая мука в глазах. Только позволила себе поднять оброненный сыном платок. Платок со зловещими красными пятнами. «Сколько крови! Какая кровь над миром!», — говорит она тихо, словно ни к кому не обращаясь. Поистине железная старушка, для которой струсить, солгать означает то же, что и предать!

А вот образ другой матери, на этот раз мало образованной, незадачливой. Это — Ульяна из спектакля по пьесе белорусского драматурга А. Петрашкевича «Тревога». Очень бережно подошла к выбору красок для создания облика своей героини Гулевич: белорусский акцент, привычные к труду руки, которые она не знает, куда девать. От своих, деревенских, Ульяна слышит немало осуждающих слов: не сумела воспитать своих детей, взрослый сын — пьяница. Но больше всего совестит себя сама Ульяна. Она немногословна. Но актрисе очень хорошо удалось «зоны молчания». За ними читается страшная душевная боль за потерянного сына: как допустила, ведь можно было поднять тревогу, уберечь его от пьянства! Эти тяжелые раздумья звучат и в монологе Ульяны. Вот стоит она перед судом, немолодая женщина в черном платке, темной по-крестьянски опрятной одежде и, мучительно подбирая слова, рассказывает о своем горе. И вдруг сквозь подавленность прорывается сильное, страстное чувство. И ее слова начинают звучать как предостережение всем сидящим в зале.

Монолог Ульяны актриса часто читает и на шефских концертах, во время встреч со зрителями. Обходится без грима, без переодеваний. Накинет на голову черный вдовий платок — и сразу словно меркнет красивое лицо. И затихают люди.

Недавно коллектив Республиканского русского театра отмечал 50-летие со дня рождения Ирины Сергеевны Гулевич. Друзья по работе сказали ей много добрых слов, отметили, какой партнершей в спектаклях она всегда бывает, вспомнили о ее последних работах — драматических, комедийных, водеvilных. Говорили еще о том, что она хороший товарищ, бессменный член местного комитета, душа многих праздников, юбилеев, встреч.

И все выражали уверенность в том, что впереди у нее еще много интересных ролей, много счастливых свершений.

В. ПОМОРЦЕВА.